ИРИНА ОДОЕВЦЕВА

ПОРТРЕТ
В
РИФМОВАННОЙ РАМЕ

стихи

ПАРИЖ
1976

ИРИНА ОДОЕВЦЕВА

ПОРТРЕТ
В
РИФМОВАННОЙ РАМЕ

стихи

ПАРИЖ
1976

Издательство «Рифма» Париж

Тираж 500 экз.
из них 50 нумерованных

Я не только в стихах живу,
Я живу и впрямь, на яву
И меня нетрудно увидеть
Разглядеть, по статьям разобрать,
Чтобы после другим рассказать
Обо мне какой я была
В те года, что я здесь жила
Вместе с вами
На этой земле.
Но, конечно, как все очевидцы
Не запомните вы ничего.

Вот я шлю вам привет из Ниццы
И подарок на Рождество —
Мой портрет в рифмованной раме —
Сохраните на счастье его.

1950-1975 г.

И вот слова —
Волнуясь и стыдясь —
Ложаться будто в первый раз
На белый лист бумаги,
Образуя
Волшебные узоры.

Слова соединяются влюбленно,
Как некогда в Раю
Адам и Ева
В блаженной, первозданной чистоте.
И музыка созвездий —
Таинственно и чудно —
Слова лишает будничного смысла
И превращает их
В стихи.

1975 г.

Юрию Терапиано

Я всегда была такой :
Ни с другими, ни с судьбой —
Временами очень злой—
Не вступала в пререкания —
Это ведь напрасный труд.

А в саду прозрачный пруд
И живет в нем золотая рыбка
Та, что исполняет все желания.

Да, я вижу — рыбка тут,
Вот ее волшебный след
В глубине жемчужно-зыбкой
Лунною блеснул улыбкой.

Наклоняясь над водой,
С чувством радостной беспечности,
Я прошу у рыбки золотой :
— Рыбочка, дружочек мой,
Дай дожить мне до ста лет
И прибавь еще кусочек вечности !

1975 г.

Нет, я не нахожу свои стихи
Прекрасными.
Как далеки они от тех
Стихов грядущих лет
Горящих звездами в моем воображении.

Я не воздвигла памятник себе
И даже эмигрантской, нищей славой
Увенчала я не была...

Я лишь беспомощно бросаю зерна
На тернии сегодняшнего дня,
Я только сею,
Жать придут другие
Те злаки, что произрастут из зерен
Посеянных моей рукой.

И значит все-таки
Жила я не напрасно —
Здесь на земле —
Стараясь в звезды превратить
Стихи.

1975 г.

Стихи сочиненные во сне

Пустыня. Двугорбый верблюд.
И мы на верблюде вдвоем.
И сфинкс в песчаной дали
И голос твой шопотком:
— Пойми, я тебя люблю,
Мы счастливы быть могли
Тогда, и теперь и потом.
Но ты виновата кругом,
Но ты виновата во всем!..
— О чем ты толкуешь тут?
Я не виновата ни в чем —
Во всем виноват верблюд.
Отдать верблюда под суд!

1975 г.

Открытка — море и скала
И на скале три пеликана.
И я подумала :
Бодлер не прав,
Поэт не альбатрос, а пеликан —
Ведь отрывает он от сердца своего
Куски, сочащиеся, кровью,
Звенящие живою болью
И превращает их в стихи,
Кормя свои стихи собою,
Как кормит пеликан своих птенцов
Своею плотью.

Мне это ясно стало,
Так ясно, что себя я вдруг —
На мимолетное мгновенье —
Увидела зобастым пеликаном,
С широковейными крылами
Средь моря, на скале.

Со мною рядом
Увидела я тоже пеликаном
Вас, Игорь Чиннов, Вас недавно
Приславшего открытку эту мне.

И тут же рядом, на скале —
Совсем как на открытке —
Сидел и третий пеликан
Точь-в-точь такой же, как мы с вами

Но не поэт, а птица пеликан.

1975 г.

В этом мире враждебном поэтам
И, казалось, враждебном и мне,
С каждым зверем, с каждым предметом
    На яву и во сне
Ощущаю я братство-сестричество
Неразрывное с миром родство,
Но не знаю сама отчего —
Хоть и странно сознаться мне в этом —
Мне роднее всего электричество.

Я одна по аллее иду
В черном, пышном, приморском саду,
Искрометно, как смех истерический
Рассыпается свет электрический
Розовея, как роза на льду —
    Нет, пожалуй еще розовей,
    Как над розой поет соловей.

1950 г.

Об Офелии, о фее
Лира-Лир, о Лорелее
И еще о той комете
Хвост раскинувшей по небу.
И еще об этом лете,
Что уходит на потребу
Катастрофы бытия...

Я... Но что такое я ?..
До чего мудреный ребус !
Мне не разгадать его
Даже в ночь под Рождество.

Но уже готов ответ
Глубочайшего прозренья,
Соломонова решенья —
В этом и сомненья нет :
« Я — строка стихотворенья
Посвященного судьбой —
С уваженьем — мне самой ».

Вот я что ! А я не знала,
Даже не предполагала
И теперь горжусь собой !..

1975 г.

Птица самолет. Светлая истома,
Сдвиг во времени-пространстве.
Хоть гораздо лучше мне жилось бы дома
« Муза дальних странствий »
Ты и мне знакома.

Беззакатный день. Вечер длинный-длинный
И пропеллера голос лебединый.
Звук звенит за звуком и за словом слово,
Как в стихотвореньях Гумилева
Из « Чужого Неба »...

1975 г.

Андрею Седых

Дождь шумит по грифельной крыше,
Еле слышно скребутся мыши
Там внизу, этажом пониже —
Очень много мышей в Париже.

Снова полночь. И снова бессонница,
Снова смотрит в мое окно —
За которым дождь и темно —
Ледяная потусторонница.

Как мне грустно !... Как весело мне !..
Я левкоем цвету на окне,
Я стекаю дождем по стеклу,
Колыхаюсь тенью в углу,
Легким дымом моей папиросы
Отвечаю на ваши вопросы —
Те, что вы задаете во сне
О вчерашнем и завтрашнем дне.

1950 г.

Средь меланхолических ветвей
Серебристо плещущей ольхи
Вдохновенно, в совершенстве диком
Трелями исходит соловей
Над шафранною, китайской розой.
Восхищаясь собственною позой,
Тень играет дискобольным бликом,
И роса на бархатные мхи
Капает жемчужинами слез.

Розы, розы!.. Слишком много роз,
Слишком много красоты-печали.
Было слово (было-ли ?) в начале,
Слово без словесной шелухи ?

Мотыльками, крыльями стрекоз
Над кустами розовых азалий
За вопросом кружится вопрос
Ядовитее, чем купорос :
— Можно ли еще писать стихи ?
Можно ли еще писать стихи
Всерьез ?..

1951 г.

Роману Гулю

На заре вернувшись с бала
Я усталая легла.
В звездной пене, в лунных стружках,
Застилая зеркала,
Легкий сон на одеяло
Наплывает из угла.

От усталости в подушках
Догорая вся дотла
До чего же я устала,
До чего я весела !

Если б жизнь начать с начала
Я такой бы не была :
Никому бы я не стала
Делать ни добра, ни зла.

А была бы я лягушкой,
Квакающей у пруда
Стынет темная вода,
Над густой лесной опушкой
Яркая горит звезда...

Или в крапинку кукушкой,
Что усевшись на суку
День-деньской твердит ку-ку
В средних числах сентября,

Не пророча, а для смеху,
Рыжим листьям на потеху.

Но средь звезд и снов скользя
Ясно вижу — стать нельзя
Ни лягушкой, ни кукушкой.

Что ж ? Согласна я — изволь —
Взять себе другую роль :
Стать красавицей пастушкой,
Босоножкою-простушкой
На которой, хоть и зря,
В сказке женится король.

1948 г.

Дни считать напрасный труд.
Дни бегут,
Часы летят,
Превращаются в года.

В тихий сад, на сонный пруд
Принесли топить котят.
Глубока в пруду вода —
Хоть котята не хотят,
Как уж не утонешь тут?

И кошачья та беда,
Намяукавшись в эфире,
В милосердном этом мире
Исчезает без следа.

Разве, что блеснет звезда
Светляком, осколком льда,
Острым лезвием секиры
Над безмолвием пруда.

Мне ж до Страшного Суда
(Если будет Страшный Суд)
Погрешить еще дадут.

1948 г.

Сорок градусов в тени.
Душно каждому цветочку,
Дурно каждому листочку.
Только комары одни
Да трескучие цикады
Этакой жарище рады.

Оборвать ? Поставить точку,
Потушить навек огни ?..

Нет, поставлю многоточье
Будут и другие дни
И прохладней и короче,
Будут и другие ночи,
Ну, и прочее, и прочее —
Все переживу воочью.

Мне дышать не надоело,
Хоть « печален наш удел ».
Жизнь приятнейшее дело
Изо всех приятных дел.

Я во сне и наяву
С наслаждением живу.

1957 г.

Я.Н. Горбову

Гладью вышитый платок,
Мной забытый на окне,
Мной подаренный не мне,
Мной потерянный во сне.

Хореический прыжок
В нереальность повседневности,
Слез соленый кипяток
Между строф и между строк
От влюбленности ? Из ревности ?

В небе звезды и гроза,
Небо, как его глаза.

Беззаконие закона,
Произвола благодать.
Не понять, не разгадать —
Осудить иль оправдать ?

Слишком тяжела корона
Для курчавой головы.

Окна настежь. Крик совы.
На предсмертный стон похожий.

Над каналами Венеции
В розовом палаццо Дожей
Призрачно сияют свечи,

Отражаясь в зеркалах,
И с трапеции — балкона,
Без приветствия-поклона,
В спальню тихо входит страх.

— Дездемона, Дездемона,
Прелести земной цветок,
Где твой вышитый платок?

Отблеск лунного опала.
Обручальное кольцо
Падает на одеяло,
Как прозрачно, как устало,
До чего невинным стало
В мертвой прелести лицо.

...Все, что сердцу было мило,
Все, что здесь оно любило,
Все, о чем оно просило,
Все чем мучилось оно —
Так недавно, так давно —
Камнем кануло на дно...

— Хорошо ли, Дездемона,
Между звезд и молний спать
Хрупкогорлой и влюбленной,
С ним навеки разделенной,
Даже в сновиденьях врозь?

И тебе ли иль Офелии
В грозно-громовом веселии
Звездометной карусели
Выпало кометой стать?

Если б сердце не болело,
Не металось вкривь и вкось,

О себе и об Отелло
Позабыть бы удалось.

Как она про иву пела
И рукою влажной, белой...

Обе плакали и пели —
Дездемона и Офелия —
Перед тем как умереть
От любовного похмелия...

Нет, довольно. Хватит! Брось!
Ничего мне здесь не мило,
Ни о чем я не просила,
Никого я не любила.

Обо мне не надо петь,
Не за что меня жалеть.

1956 г.

— За верность. За безумье тост.
За мщенье !..
Пенных кубков звон.
Какой сквозной тревожный сон :
Узорчатые рукава,
« Дочь пекаря, сова...
Слова, слова, слова... »

Белеет мост. Блестит погост
О вихри вздохов, волны слез !
Известно все заранее :
Средь звезд
И роз
Апофеоз
Непонимания.

Высокий королевский дом
В туманной Дании.
И королева с королем
И принц на первом плане.
Прожечь вином,
Залить огнем,
Пронзить рапиры острием !
Ни хмеля, ни похмелия,
Цветы на память, на потом,
Цветы на новоселие.

Как тихо спит на дне речном,
В русалочьей постели,
Как сладко спит бессмертным сном
Офелия.

1955 г.

Это молоточек память,
Искромечущее пламя,
Звездноплещущее знамя
В суматохе голубой,
Волн ликующий прибой,
Струн гитарных перебой,
Разговор сама с собой.

То, что скользкой льдинкой тает,
То, о чем сосед не знает,
То, чем пенится корыто,
То, о чем стучат копыта
По торцовой мостовой
В Петербурге над Невой,
То, что пляшет шито-крыто
Пляскою святого Витта
В подсознании, на дне,
Что потеряно во сне,
То, что белой ниткой шито,
То, что шито красным шелком,
То, что рыщет серым волком,
Крысою по книжным полкам,
То, о чем не скажешь толком,
То, чего не объяснить,
То, на чем порвется нить
Жизни.
И стихов.

1953 г.

Не во мне, а там вовне,
В сердце ночи, в глубине,
Как на плоском дне колодца
Светлодумная луна.
Лунный луч спиралью вьется,
Скользскою эмалью льется.
Образуя на стене
Искрометного уродца.

В сердце ночи, у окна,
Где стихи и тишина,
Безысходно, точно встарь,
Мутностеклый, длинный-длинный
Блоковский горит фонарь
И в его бессмертном свете,
В зеркалах и на паркете
Рябь отчаянья видна.

— Друг мой, незнакомый друг,
На одной со мной планете,
Очень мне « и ску и гру »,
Не с кем мне вести игру,
Без ухаба, без ушиба,
Без азартного загиба
Некому : пожатье рук,
Некому : — За все спасибо !

— Здравствуй, здравствуй! — поутру.
Вечером: — Спокойной ночи.
Спи, закрывши звезды-очи,
Спи до завтрашнего дня!..

Иль точнее и короче —
Нет в лазури одиноче,
Белопарусней меня!

1959 г.

Ренэ Герра

НОЧЬ В ВАГОНЕ

У окна качается пальто,
Как повешенный.
Не о том. Совсем не то.
Вместо имени — местоимение.
Он ? Оно ? Растерянность, смятение
С болью-солью смешаны.

Дребезжанье, лязг и треск.
За окном рога оленьи,
Между рог оленьих крест
Светится торжественно-неярко,
Как ляпис-лазурная лампадка.

До чего вагонно-гадко,
До чего вагонно-жарко !
Не забыть — в Вероне пересадка.

На одной руке перчатка,
А другая где ?
Потеряна ?

Все вперед бессмысленно расчислено,
По квадратикам размерено,
Прямо под откос —
К беде.

Не уснуть бы, не проспать,
Ведь в Вероне...
Треск колес
И вот опять
Крест мелькает на лесной опушке.

Надоедливый вопрос :
— Есть ли у кукушки ушки,
Больно ль ей на каменной подушке
В перегаре папирос ?
А вороне ?

Надо помнить, что в Вероне
Пересадка.
Затекли колени.
Лязг и звон.
Прыжок олений
Под ритмический уклон
В железнодорожный сон.

Если бы суметь спасти
И другого и себя,
Если бы суметь уйти,
Не ревнуя, не любя,
Без предчувствий, без воспоминаний,
Как идут на первое свиданье
В празднично расцветший сад.

В лунном свете блекнет повилика,
В лунатичности серебряного блика
Воскресает призрачно и дико
Прошлое на новый лад.

— Не оглядывайся, Эвридика,
На тобой пройденный ад !
Не оглядывайся ! Не огляд...
Провались поглубже, Эвридика,

В белый, беспредметный сон,
В звон, скользящий под уклон.

...Ты проснешься впотьмах,
Ты проснешься в слезах,
Ты проснешься в тоске
С красной розой в руке,
На железнодорожном диване —
Ни надежд, ни воспоминаний,
Ни прощально-приветных огней.

...Лай собак, бегущих за оленем
Все заливчатее, все нежней,
Все волшебней в воздухе весеннем,
Все прозрачнее, все розовей,
Словно трелями исходит соловей
Или фавн играет на свирели,
Нет, на флейте.

И летят часы, летят недели
Молньеносно, как с горы летели
Сани
В русский лунно-голубой сугроб...

...Это там. А это тут
На заумно-умном плане,
На воздушном океане.

— Херувимы, лейте, лейте,
Исполняйте светлый труд,
Лейте ужас с облаков
В розами завитый гроб!
Лейте, проливайте мимо,
Лейте, лейте, херувимы,
Как на розы Хиросимы
Райский ужас между слов!..

1954 г.

Ты говорил : — На вечную разлуку. —
Мою бесчувственную руку
В последний, предпоследний раз.
Слеза из потемневших глаз,
Как синтетический алмаз...
                    Твоя слеза,
                    Моя слеза,
Какие у тебя глаза?
Такие же, как были?
Ты все такой же милый?

                    Не знаю
Если ты теперь
Тихонько постучишься в дверь —
                    Узнаю? Не узнаю?

В преображении потерь
Ты стал горбатый, лысый,
Ты стал хвостатой крысой,
Ты стал крапивой иль грибом?

А прядка над высоким лбом?
А складка на высоком лбу?

Но ты давным-давно в гробу —
На солнечном погосте —
И ты не ходишь в гости.

1958 г.

О жизни, что прошла давно,
Бесследно канула на дно,
Не надо громко говорить
И продолжать соломкой пить
Случайность, что зовут судьбой,
Той, что связала нас с тобой.
            Моя судьба
                        Твоя судьба
В пустыне неба голубой.
            О, Господи, я так тиха,
            Я так слаба,
            Что до греха
                        Недалеко.
Я так изменчиво-нежна —
Нежней, чем нежная весна,
Изменчивее, чем волна.
О, Господи, я так честна,
            Что, веря в грех,
            Грешу легко.
Я, может быть, грешнее всех.

Но осуждающую фразу
По ветру рассыпает смех :
— Неправда. Нет !
За столько лет
Не согрешила я ни разу.
            Все это бред.
Был лучезарным мой позор
            И осиянным.

Победно-пламенный костер,
Шелками вышитый узор
Над океаном.

В конце концов на этот вздор
Поставим точку.
А нашу дочку,
Дочку нашу,
Цветок-Наташу,
Подарим мы
Снегам зимы.

1953 г.

Владимиру Маркову

Отравлен воздух, горек хлеб —
Мир нереален и нелеп,
Но жизнь все слаще, все нежнее.
...О Дон-Кихоте, об Альдонце,
Что притворялась Дульцинеей.

Заходит кухонное солнце
На фитиле жестяной лампы.
В кастрюльке булькает картофель.
Ни занавеса нет, ни рампы,
И Хлебникова светлый профиль
В пурпурном ящике-гробу.

— Приветствую твою судьбу,
« Земного шара Председатель » !
Приветствую в тебе творца,
Я твой читатель — почитатель-
ница.

Как « дева ветреной воды »,
Забыв озера и пруды,
В себя дыхание забрав,
До локтя закатав рукав,
Я ложкой по столу стучу,
Понять-постичь тебя хочу,
Твои пиррихии, спондеи,
От вдохновенья холодея
Заумный твой язык учу.

Не до Альдонцы-Дульцинеи !

1957 г.

Ты видишь, как я весело живу
У горлинкой воркующего моря,
Как весело.
                    О будущем не споря
Чужие сны я вижу наяву,
Посыпанные едкой солью горя.

В сомнабулической, подветренной тоске
Тоска? (А может быть, вернее, скука?)
Танцует босоножкой на песке
Пеннорожденная разлучница-разлука
И кораблекрушения волна
Выносит заумь гибели со дна.

Беда-водоворот. Беда-победа.
За мраморным плечом обломано крыло
                    Чужого бреда.
Да, как назло
                    Тебе не повезло.
И все-таки не надо плакать, Леда!
О чем печалиться? О чем, о чем
Под леопардовой расцветкой пледа?

Взгляни — звездой обманной у воды
Блестит кусок слюды —
Звезда песочная, звезда воспоминаний —
Семирамидовы сады,
Пласты слезо-серебряной руды
Страданий.

Ложится время дуновеньем пыли
На праздничные льды
Заморской были.
Ну, кто же спорит? Жили-были,
То тускловато, то светло,
На свадьбах пировали, ели-пили
И по усам текло...
Но кончилось. Прошло, прошло,
Забвением роскошно поросло...

Все корабли отчалили, отплыли
К пределам огнедышащей земли,
На дно отчаянья навеки отошли.

О, нежностью сводящая с ума
Мимозоструйная весна-зима!
Со дна всплывает лунная ундина
В соленый, хрупкий лед девической любви.

— Не прикасайся к сердцу. Не зови
Сомнений песней лебединой!

В самоубийственной крови
Чужих страстей, чужого сна,
Не слушая, не понимая
Чужого маятника маяния
Я чутко сплю, не достигая
Двойного дна
Отчаяния.

1956 г.

Памяти поэта Сергея Полякова)*

Средиземноморский ад
В стрекотании цикад.
Пальмоносная гора
Гумилевского « Шатра ».

Ни былинки ни одной,
Ни веселого цветка,
Концентрированный зной
И такая же тоска.

Броситься бы вниз с горы,
Чтобы сразу — трах и нету !
Вдребезги ! В тартарары !
И пойди ищи по свету,
Отчего и почему.

Память вечная ему,
Память вечная поэту !
Так — не доиграв игры —
Вдребезги ! В тартарары !
Рассыпаются миры,
Обрываются кометы,
И стреляются поэты —
От тоски. И от жары.

---

*) Поэт Сергей Поляков застрелился еще до войны 1914 года в Париже на площади Трокадеро.

Прожита всего лишь треть
Или даже — меньше трети.
Разве можно умереть
В цвете лет, в июльском свете?

Но томленье... Но усталость.
Но презрительная жалость
К современникам. И эти
Складки у тяжелых век.

Черный вечер. Белый ветер...
Веером ложится снег.
Вдоль навек замерзших рек
Рысаков волшебный бег.
В лунно-ледяной карете
Гордая Царица Льдов,
Покровительница вдов, —
Хрупких, нежных, бессердечных,
Безнадежно безупречных,
Тех, что не дождавшись встречи,
Зажигают в церкви свечи
И бесчувственной рукой
Крестятся за упокой
Всех, ушедших слишком рано...

— Только как же?.. Погоди!
Выстрел. Маленькая рана
В левой стороне груди.

Под раскидистою елью,
Под зеленой тенью хвой,
Упоительно шумящих
Над усталой головой...

В абажурно-лунной чаще,
В шепотке страниц шурщащих

Чище звезд и лиры слаще
Луч струится голубой,
Уводящий за собой —
В первозданный мир стихов...

— Погоди! Постой, постой!
Было нелегко решиться
Умудриться застрелиться
В сквере на Трокадеро.

И когда дано от Бога
Золота и серебра
Очень много, слишком много —
Нет от этого добра.

Тише, тише, помолчи, —
Каблучками не стучи,
Воли не давай слезам!
В черной воровской ночи
« Все подобраны отмычки,
Все подделаны ключи »
К тюрьмам, сейфам и сердцам
И к началам и к концам.

Грохот чичиковской брички,
Возглас: Отворись, Сезам!
Берег Сены. Берег Леты...
...« Мы последние поэты »...

1958 г.

Золотой Люксембургский сад.
Золотой, золотой листопад,
Силлабически листья шуршат...

Мы идем, и по нашему следу
Удлиняясь, тени идут
И таинственную беседу
Шепотком золотистым ведут :
— Я устала по саду метаться,
Я устала на части ломаться,
Становиться длинней и короче...
— Не хочу я с тобой расставаться !
Не расстанусь с тобой никогда !
За твои ненаглядные очи,
Все мои непроглядные ночи...
Отвечай, ты согласна ? Да ?
Шелестит чуть слышно ответ :
— Я с тобой не согласна. Нет !
У теней нет очей и ночей,
Тень, как воздух, как дым, как ручей —
Тень отчаянья, тень свечей...
Я устала быть тенью ничьей.
Ах, устала, устала я очень,
Этот мир так порочно-непрочен !..

Золотой, золотой листопад,
Силлабически листья шуршат...

Бьют часы с расстановкою — семь.
Потемнело. Пусто совсем.

— До свиданья. Пора мне домой.
В светлый дом, где пылают печки,
Где томительно-звонкий покой
Перемешан с гитарной тоской,
Ну, совсем как — подать рукой —
На цыганской, на Черной речке.

1957 г.

« Человек человеку бревно »
Это Ремизов где-то давно
Написал.
            И как правильно это.
Равнодушье сживает со света
Одиноких и плачущих.
                                    Но
Для бродяги, глупца и поэта,
У которых мозги набекрень,
Одиночество — чушь, дребедень,
Трын-трава.
            Им участье смешно,
Им не надо привета-ответа.

Вот окончился каторжный день,
Полный муки и разного вздора.
Не оставив и воспоминаний
По себе.
            Серебристые лани,
Запряженные в лунные сани,
Под окном.
            Только где же окно ?
Где окно и оконная штора ?
Где же дверь ?
            Так темно и черно,
Так черно, что не видно ни зги.
— Зазвени зга ! Сиянье зажги !
Озари эту темь-черноту,

Искрометно звеня на лету,
Молньеносно метнись в высоту
И обрушься пожаром на дом,
Огнедышащим дымным столбом,
Красным ужасом, черным стыдом
Справедливейшего приговора!

...Так погибли когда-то Содом
И Гоморра.

1960 г.

Скользит слеза из-под усталых век,
Звенят монеты на церковном блюде...

О чем бы ни молился человек,
Он непременно молится о чуде:
Чтоб дважды два вдруг оказалось пять,
И розами вдруг расцвела солома.
И чтоб к себе домой придти опять.
Хотя и нет ни у себя, ни дома.

Чтоб из-под холмика с могильною травой
Ты вышел вдруг веселый и живой.

Георгию Адамовичу

Верной дружбе глубокий поклон.
Ожиданье. Вокзал. Тулон.

Вот мы встретились — Здравствуйте. Здрасьте!
Эта встреча похожа на счастье,
На левкои в чужом окне,
На звезду, утонувшую в море,
На звезду на песчаном дне.

— Но постойте. А как же горе?
Как же горе, что дома ждет?
Как беда, что в неравном споре
Победит и с ума сведет?

Это пауза, это антракт,
Оттого-то и бьется так,
Всем надеждам несбывшимся в такт,
Неразумное сердце мое.

Полуявь. Полузабытье..

Как вы молоды! Может ли быть,
Чтобы старость играла в прятки,
Налагала любовно заплатки
На тоски и усталости складки,
На бессонных ночей отпечатки,
Будто не было их?
Не видны.

И не видно совсем седины
В шелковисто-прямых волосах.

Удивленье похоже на страх.
Как же так? Через столько лет...
Значит, правда — времени нет,
И уводит девический след
Башмачков остроносых назад,
Прямо в прошлое,
            В Летний сад:

По аллее мы с вами идем,
По аллее Летнего сада.
Ничего мне другого не надо:
Дом Искусств. Литераторов Дом,
Девятнадцать жасминовых лет,
Гордость студии Гумилева,
Николая Степановича...

— Но постойте, постойте. Нет!
Это кажется так, сгоряча.
Это выдумка. Это бред.
Мы не в Летнем саду. Мы в Тулоне,
Мы стоим на тютчевском склоне,
Мы на тютчевской очереди
Роковой — никого впереди.

Осторожно из-за угла
Наплывает лунная мгла.
Ничего уже не случится.
Жизнь прошла.
                    Безвозвратно прошла.
Жизнь прошла.
      А молодость длится.
                    Ваша молодость.
                              И моя.

1958 г.

Ренэ Герра

РАЗНОСТОПНЫЕ ЯМБЫ

Лазурный берег, берег Ниццы.
Чужая жизнь. Чужие лица.
Я сплю.
                    Мне это только снится.
До смерти так недалеко —
                              Рукой
                                        Подать.

Я погружаюсь глубоко —
С какой сознательной тоской —
В чудовищную благодать
Дурного сна.
Его бессмысленность ясна :

На койке городской больницы
Страдания апофеоз
И унижения.
Но розы, розы, сколько роз
И яркий голос соловья
Для вдохновения
Во сне.

Я сплю — все это снится мне —
Все это только скверный сон,
Я сознаю, что я — не я,
Я даже не « она », а « он » —

И до чего мой сон нелеп !
О, лучше б я оглох, ослеп —
Я — нищий русский эмигрант !

Из памяти всплывает Дант :
« Круты ступени, горек хлеб
Изгнания »...
Так ! Правильно !
            Но о моей беде,
О пытке на больничной койке
Дант не упомянул нигде :
Такого наказания
Нет даже в дантовском Аду.

...Звезда поет. Звезда зовет звезду.
« Вот счастие мое на тройке »...
Ни тройки, ни кабацкой стойки,
Ни прочей соловьиной лжи.
Ты пригвожден к больничной койке,
Так и лежи !..

А рядом енчит старичок.
В загробность роковой скачок
Ему дается тяжело.
Ничто ему не помогло,
Проиграна его игра,
И он уже идет ко дну,
Крестом и розою увенчан.
И значит стало на одну
Жизнь опозоренную меньше.
Пора о ней забыть ! Пора !
Как далеко до завтра... До утра...

Таинственно белеют койки,
Как будто окна на Неву.
Мне странно, что такой я стойкий

И странно мне,
Чо я еще живу,
И что не я, а старичок
В бессмертье совершил скачок
В нелепом сне.

1958 г.

Я не могу простить себе —
Хотя другим я все простила —
Что в гибельной твоей судьбе
Я ничего не изменила,
Ничем тебе не помогла,
От смерти не уберегла.

Все, что твоя душа просила,
Все то, что здесь она любила...
Я не сумела. Не смогла.

Как мало на земле тепла,
Как много холода — и зла !

Мне умирать, как будто, рано,
Хотя и жить не для чего.
Не для чего. Не для кого.
Вокруг — безбрежность океана
Отчаяния моего —
Отчаяния торжество.

И слезы — не вода и соль,
А вдовьи слезы — кровь и боль.

Мне очень страшно быть одной,
Еще страшнее — быть с другими —
В круговращеньи чепухи —
Страшнее. И невыносимей.

В прозрачной тишине ночной
Звенят чуть слышно те стихи,
Что ты пред смертью диктовал.

Отчаянья девятый вал.
Тьма.
И в беспамятство провал —
До завтрашнего дня.

1958 г.

Последнее траурное новоселье.
Мне хочется музыки, света, тепла,
И чтоб отражали кругом зеркала
Чужое веселье.
И в вазе хрустальной надежда цвела
Бессмертною розой, как прежде.

Смешно о веселье.
Грешно о надежде.

В холодной, пустой, богадельческой келье
Сварливая, старческая тишина
И нет ни покоя, ни сна,
И тянет тоскою из щелей окна,
Из сада, где дождь и промозглая слякоть.

— Не надо, не надо!
Прошу вас не плакать.

1958 г.

Мы играем не для денег,
А чтоб время провести.
А. Пушкин

Все было, было, бы...
Лото под лампой,
Старушки богаделки, старцы богадельцы —
От жизни старостью, как театральной рампой.
Вечернее лото — приятнейшее дельце
Пред тем как спать идти, с восьми до десяти.
Ведь « не для денег, а чтоб время провести »,
Как черти в дурачки у Пушкина играли.
Тэ-лэ трещит в почти безлюдном зале.

Я в комнате своей у лунного окна.
Дверь заперта на ключ. Одна, всегда одна
С тех пор, как умер ты — одна на целом свете.

Пора, казалось бы и мне ожесточиться,
Стать язво-сплетницей, подслеповатой, злой,
Лихой лотошницей, как богаделки эти.

Луна сквозь облаков полупрозрачный слой,
Как там, как над Невой, прелестно серебрится.
— Луна, далекий друг, сестра моя луна...

...Не то, что молодость спешит, летит стрелой
И падает стремглав подстреленною птицей,
А то, что молодость так бесконечно длится,
Когда давно она мне больше не нужна.

1959 г.

Неправда, неправда, что прошлое мило.
Оно, как открытая жадно могила —
Мне страшно в него заглянуть.
— Забудем, забудьте, забудь !

По синим волнам океанится парус,
Налейте вина и возьмите гитару.
Давайте о завтра мечтать,
Чтоб завтра казалось еще неизвестней,
Еще невозможней, тревожней, прелестней,
Чтоб завтра не стоило ждать.

О, спойте скорей « Лебединую песню »
И « Белой акации »
                И « В том саду »,
Хоть встретились мы не в саду, а в аду
В аду эмиграции.

А парус белеет навек одинокий,
Скользя по волнам в байроническом сплине,
В пучине стихов, от шампанского синей.

— Прощайте, прощайте, пора !
Прощайте, желаю вам счастья !

Но разве так поздно ? Нет, здравствуйте, здрасьте !
Уже не сегодня, еще не вчера,
Еще далеко до утра !
И значит, игра
                Продолжается.

1960 г.

Банальнее банального,
Печальнее печального
Сознанье — жизнь прошла.

Ну что ж? Поговорим
О подвигах, о славе —
Троя, Рим...

Вот дни мои и все мои дела:
Как мало доброго. Как много зла!
Не то я делала, не так жила,
И ясно, что я лучше быть могла.

От одиночества и от усталости
Прилив горячей, нежной жалости
К себе и прочим тварям на земле,
Как уголек, краснеющий в золе.
Печаль, похожая на вдохновенье,
И драгоценно каждое мгновенье,
Когда уже отсчитаны они —
На счетах звонких и магических —
Мои пустынные, торжественные дни.

Но раз в стихах лирических
Нельзя без точки зрения
И собственного мнения,
Я признаюсь — банальнее банального,
Сусальнее сусального
Мне кажется, высокий этот тон

Раскаяния, просветления
И старческого всепрощенья
Предпохоронный звон,
Полупоследний стон,
Благословляющее — Ах!

— Нет, старость мудрая, прости,
С тобою мне не по пути
Ни в жизни, ни в стихах
До самой смерти!

1959 г.

НОЧЬ БЕЗ СНА

Ледяная луна в ледяной высоте
Озаряет озябшие вязы и клены,
И на снежной поляне четыре вороны,
Как чернильные пятна на белом листе.

Почему их четыре? Не три и не пять?
Почему мне опять ничего не понять?
Почему все меня до смешного тревожит
И ничто на земле успокоить не может?

Если б было ворон или пять или три,
Треугольник или пентагон
Без затей и затрат
Преудобно улегся бы в сон.
Но четыре вороны — вороний квадрат —
Никуда не уляжется он.

В черной душной ночи горят фонари,
Далеко до луны, далеко до зари,
Невозможно уснуть и немыслимо спать,
Оттого что ворон-то четыре,
А не три и не пять.

И кругами, кругами все шире и шире
Наплывает отчаяние.

1959 г.

СТИХИ НАПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

Помурлычь, Серокошка-Краля
Уложив на макушке ушки,
Помурлычь на моей подушке,
Отгони болезнь и печали.

С каждым вздохом глотаю бритву,
Ненавижу Блеза Паскаля
За его дурную « молитву
Об использовании болезни ».
Что болезни еще бесполезней
И бессмысленнее страданья ?

« До свиданья, ночь ! » До свиданья » !
Как шальные, кричат петухи.

В этот час таинственно-ранний,
В час томительных воспоминаний
Заклинаю страданье : — исчезни !

И чтоб мне простились грехи,
Превращая болезнь в стихи.

1949 г.

— Вам надо уехать в Египет —
Вам вреден Париж весной,
Вам это совсем не по силам.
— Ах, доктор, старик смешной!

За окнами дождик сыплет
С упрямою косизной,
Как скучно лежать больной!

...А ласточки в теплом Египте,
В шуршаньи стотысячекрылом,
С мечтою на каждом крыле
На север готовы лететь,
И Нил плодотворным илом
Разлился на целую треть.

— О, любите меня, любите,
Удержите меня на земле,
О, любите меня, любите,
Помешайте мне умереть!

1949 г.

Вот палач отрубил мне голову,
И она лежит на земле.
И ни золотом, и ни оловом...
Кончен спор о добре и зле.
И теперь уже, плачь не плачь,
Не пришьет головы палач.

Посмотри, какая красивая —
Косы черные, как смоль.
А была гордячка спесивая,
Презирала бедность и боль.

Только как же ?.. позволь, позволь !..
Если это моя голова,
Как могла я остаться жива ?
И откуда черные косы
И глаза лукаво-раскосые ?
И какая я же гордячка ?

Вьются вихри. Несется конница,
Пол вздымает морская качка,
В лоб стучится, в сознанье ломится
Балаболка — ведьма — бессонница.

— Надоела ! Которую ночь.
Убирайся отсюда прочь !..

Убирайся ! Все это бред —
Уголек, залетевший из ада,

Лепесток из райского сада —
Никакой головы здесь нет.

Никакой головы. Ничего.
Беспощадно метет метелка,
Полнолунным светом звеня,
Выметая в пространство меня.

Дверь распахнута в праздничный зал,
Сколько там позолоты и шелка,
И гостей, и цветов, и зеркал!
В зеркалах отражается елка,
Оттого, что всегда Рождество —
Вечный праздник на Божьем свете.

В хороводе кружатся дети.
Кто же я?
Одна из детей?
Снова детство —
Как скучно!..
А если
Я одна из старушек-гостей,
Прапрабабушка в шелковом кресле?..

— Замолчи, замолчи, балаболка!
Замолчи, не трещи без умолка!
Ты же видишь прекрасно: я — елка.
Я вот эта елка зеленая,
Блеском свечек своих ослепленная.
Как волбешно...
Как больно...
Огонь!..

1949 г.

Подушка, тетрадь, чернила,
Жасмин и солнце в окне.
Ленора, Сольвейг, Людмила,
Русалка на лунном дне.

...О том, как жизнь я любила,
Как весело было мне.

О том, что моя тоска
Тяжелее морского песка...

Я все понимаю и слышу
Не хуже, чем кто другой:
Вот падает снег на крышу,
Бубенчик поет под дугой —
И мчатся узкие санки
Вдоль царственно белой Невы...

...Потом я жила на Званке
В гнезде у вдовой совы.

О том, что было когда-то,
Мне лучше не помнить совсем —
Глазастых собак и солдата
И дочек. Их было семь.

Ах, дочки мои — цветочки
В сияющем райском саду
(...А вдруг они тоже в аду?..)

Довольно! Дошла я до точки
В беспамятстве и бреду
И дальше, нет — не пойду!

В окнах светится крест аптеки,
Цвет зеленый — надежды цвет,
Мой пушистый зеленый плед.
Закрываю, как ставни, веки.
Может быть это счастье навеки,
А совсем не жар и не бред.

Разбиваются чайки о снасти,
Разбиваются лодки о льды,
Разбиваются души о счастье.
Как бы ни были души горды.
Расцветают крестами сады,
Далеко до зеленой звезды...
Как мне душно.
Дайте воды !..

Над зеленой высокой осокой скамья,
Как в усадьбе, как в детстве с колоннами дом.
Возвращается ветер на круги своя,
В суету суеты осторожно, с трудом...

Возвращается ветер кругами назад
На пустыню библейских акрид и цикад,
На гору Арарат, где шумит виноград
Иудейски картаво. На Тигр и Евфрат.
Возвращается ветер, пространством звеня
На крещенский парад, на родной Петроград,
Возвращается вихрем, кругами огня...

— Ветер, ветер, куда ты уносишь меня ?..

Началось. И теперь опять
Дважды два не четыре, а пять.

По ковру прокатился страх
И с размаха о стенку — трах!
Так, что искры посыпались вдруг
Из моих протянутых рук.
Все вокруг двоится, троится,
В зеркалах отражаются лица,
И не знаю я, сколько их,
Этих собственных лиц моих.

На сосну уселась лисица,
Под сосной ворона стоит.
Со щитом? На щите? Нет, щит
На вратах Цареграда прибит.

Как в лесу сиротливо и сыро,
До чего можжевельник сердит!

Бог послал мне кусочек сыра,
Нет, совсем не мне, а вороне,
Злой вороне в железной короне,
Значит, ей, а не мне, повезло.

Но лишившись царского трона
Трижды каркнула злая ворона
Пролетающей тройке назло.
Кучер гикнул. Взметнулись кони.

— Берегись! Сторонись, посторонний!
Сном и снегом глаза занесло.

Соловьиная трель телефона
Вдруг защелкала звонко:
— Алло?

Сразу все в порядок пришло.
Нереальность скользнула на дно
В глубину зеркального лона
Там, где рифмы коралловый риф.
Там, где ритмов прилив и отлив,
Там, где ей и лежать суждено.

Легкий месяц сияет в эфире,
Уводя облаками на юг.
Лампа светит уютней и шире,
Образуя спасательный круг.
И теперь, как повсюду в мире,
В эмигрантской полуквартире
Дважды два не пять, а четыре.

Значит, кончено. Спать пора.
Спите, спите — без снов — до утра!

1950 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Я не только в стихах живу 5
И вот слова 6
Я всегда была такой 7
Нет, я не нахожу свои стихи прекрасными . . . 8
Пустыня. Двугорбый верблюд 9
Открытка — море и скала 10
В этом мире враждебном поэтам 11
Об Офелии, о фее 12
Птица самолет. Светлая истома 13
Дождь шумит по грифельной крыше 14
Среди меланхолических ветвей 15
На заре вернувшись с бала 16
Дни считать напрасный труд 18
Сорок градусов в тени 19
Гладью вышитый платок 20
За верность. За безумье тост 23
Это молоточек память 24
Не во мне, а там вовне 25
У окна качается пальто 27
Ты говорил : На вечную разлуку 30
О жизни, что прошла давно 31
Отравлен воздух, горек хлеб 33
Ты видишь, как я весело живу 34
Средиземноморский ад 36
Золотой Люксембургский сад 39

« Человек человеку бревно : 41
Скользит слеза из под усталых век 43
Верной дружбе глубокий поклон 44
Лазурный берег, берег Ниццы 46
Я не могу простить себе 49
Последнее траурное новоселье 51
Все было, было, бы 52
Неправда, неправда, что прошлое мило 53
Банальнее банального 54
Ледяная луна в ледяной высоте 56

Стихи написанные во время болезни

Помурлычь, Серокошка-Краля 59
Вам надо уехать в Египет 60
Вот палач отрубил мне голову 61
Подушка, тетрадь, чернила 63
Я все понимаю и слышу 64
В окнах светится крест аптеки 65
Над зеленой высокой осокой скамья 66
Началось. И теперь опять 67

КНИГИ СТИХОВ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Двор Чудес, изд-во « Мысль », Петроград 1922.

Контрапункт, изд-во « Рифма », Париж 1951.

Стихи написанные во время болезни. Париж 1952.

Десять лет, изд-во « Рифма », Париж 1961.

Златая цепь, изд-во « Рифма », Париж 1975.

P.I.U.F. 3, rue du Sabot, 75006 — PARIS